

ВАРЪЧИНА ЛИТЕРАТУРЫ.

Блаженной памяти баронъ Брамбеусъ имѣлъ лакея Ваньку, большого любителя читать различные „забористыя“ книжки. Ванька этотъ, по рекомендаціи барона-критика, былъ существомъ „вида растрепаннаго и неумытаго“ и, судя по его любви къ литературѣ, должно быть состоялъ въ роднѣ съ Петрушкой Чичикова. Каждый разъ, когда въ руки Брамбеуса попадала какая-нибудь безграмотно-написанная или глупая книжка, онъ кричалъ своего лакея и книжку эту отдавалъ ему, говоря:

— Возьми, Ванька, это—твоя литература...

Это происходило въ 30-хъ годахъ и съ той поры, какъ это вѣдомо всѣмъ, арифметику знающимъ, прошло лѣтъ шестьдесятъ... Просвѣщеніе въ столь почтенный срокъ сильно развилось... но, кажется, только въ ширь, а не въ глубь. Кажется это потому, что хотя теперь нѣтъ ни Брамбеуса, ни крѣпостныхъ лакеевъ, но Ваньки, любители забористой литературы, не только не исчезли, а, напротивъ, должно быть очень развились, на что рѣшительно и неопровержимо указываютъ быстрый ростъ и пышный развѣтъ „Ванькиной литературы“. „Листки“ московскіе, петербургскіе, русскіе имѣютъ своими читателями несомнѣнно Ванекъ; такіе журналы, какъ *Звѣзда* Животова, *Р. дѣла* и прочіе прыщи на лицѣ русской литературы,—выписываются Ваньками; такіе писатели какъ Животовъ, Пазухинъ, Рудниковскій, Гейнце—работаютъ для Ванекъ, потомковъ лакея барона Брамбеуса. Все это—литература дешевая...

А вотъ *Наблюдатель*, стоящій 12 р. въ годъ, или *Новое Время*, стоящее 17 р., не могутъ вслѣдствіе своей дороговизны привлечь къ себѣ вниманіе Ванекъ... и поэтому пытаются развести ихъ среди людей болѣе обезпеченныхъ, чѣмъ тѣ Ваньки, которые

питаются искони прислуживающей имъ и дешевой прессой. Что названные выше органы способны плодить Ванекъ и угождать ихъ дряннымъ вкусамъ,—въ этомъ нельзя сомнѣваться. *Новое Время* извѣстно хлесткостью ругани, что всегда очень нравится улицѣ. *Новое Время* любитъ ругаться—улица любитъ слушать крѣпкія слова. *Новое Время* нужно понизить цѣну, тогда оно будетъ оцѣнено Ваньками, наравнѣ съ другими уличными органами и шарманками. Вотъ кстати образчикъ недобросовѣстности и передержекъ, украшающихъ страницы газеты Суворина: нѣсколько дней тому назадъ въ ней было напечатано слѣдующее:

Тягостное впечатлѣніе производитъ органъ молодой литературы—*Жизнь*, февральская книжка которой украшена лубочными картинами новѣйшихъ нѣмецкихъ маляровъ-декадентовъ—Стука и Саши Шнейдера. Можно подумать, что русское общество такъ пресыщено истиннымъ искусствомъ, такъ глубоко ознакомилось съ живописью Запада и артистами Востока, съ антиками, что ей только и остается, что класть на притупленный языкъ извращенія мысли и кисти съ каенскимъ перцемъ, въ родѣ безобразныхъ „фурій“ Стука.

Читатель читаетъ эти слова и видитъ: ба! *Новое Время* защищаетъ добрыя нравы и здоровыя вкусы! Читателю это нравится, потому что хлестко, а прочитавъ всю замѣтку, совершенно неприличную, первую половину которой я привелъ выше, онъ хохочетъ, онъ доволенъ, ему нравится такой площадной и глупый пріемъ, какъ измѣненіе фамиліи писателя Чирикова въ Чирьева и Прыщикова. Читатель могъ-бы вспомнить, что въ прошломъ году та же самая газета помѣстила въ приложеніи своемъ лестную замѣтку о Сашѣ Шнейдерѣ и снимки съ его картоновъ... но, вѣроятно, онъ не вспомнитъ этого. Онъ просто рѣшитъ, что *Жизнь*—журналъ, въ которомъ печатаются декадентскія картинки. Ему не извѣстно, причѣмъ тутъ эти картинки, и онъ не знаетъ, что не одинъ Шнейдеръ и Стукъ иллюстрируются въ *Жизни*, а иллюстрируются также и Беклинъ,

снимки съ картинъ котораго онъ недавно видѣлъ на страницахъ *Нового Времени*. *Новое Время* не упоминаетъ о Беклинѣ и о томъ, почему явился въ *Жизни* картинки Стука и Шнейдера, потому что оно желаетъ только выругать *Жизнь* бросить на нее тѣнь... Зачѣмъ? Специальность у этой газеты такая. Есть люди, которымъ все чистое и порядочное органически противно, а статья П. Ге о Беклинѣ, Шнейдерѣ и Стукѣ,—хорошая статья. Разматривая работы названныхъ художниковъ и показывая снимки съ ихъ символическихъ картинъ, авторъ статьи воздастъ должное тому, что въ этихъ картинахъ цѣнно, а по поводу символизма, какъ направленія въ искусствѣ, говорить, что это направленіе не долговѣчно.

„Художникъ безусловно свободенъ въ своемъ творчествѣ“,—говоритъ г. Ге,—но въ искусствѣ „для насъ близко и дорого только то, что связано съ нашей жизнью...“ Наиболѣе сложныя, наиболѣе человѣчныя стороны жизни могутъ быть выражены лишь въ реальныхъ образахъ. Простота въ мышленіи, реализмъ въ искусствѣ—послѣднія и самыя цѣнныя завоеванія новѣйшей цивилизаціи человечества“. „Произведенія Беклина, Стука, Шнейдера и вообще всѣхъ символистовъ не представляютъ основного русла современнаго европейскаго искусства. Это боковое теченіе“.

Въ нашемъ обществѣ есть извѣстный интересъ къ современному недомоганію мысли на западѣ, это недомоганіе отчасти отражается въ нашей литературѣ и искусствѣ. *Жизнь* даетъ статью, въ которой пытается объяснить публикѣ, что такое символизмъ, одинъ изъ симптомовъ недомоганія современной души. *Новое Время* видитъ картинки, иллюстрирующія статью, и болтаетъ по этому поводу какой-то вздоръ, имѣющій однако вполне опредѣленную цѣль,—подорвать въ обществѣ интересъ къ новому журналу. Это, разумѣется, непорядочно, это даже живое, но *Новому Времени* нѣтъ дѣла

до порядочности и правды.. Оно охотится за успѣхомъ, хорошо платитъ своимъ фельетонистамъ и требуетъ отъ нихъ злости и рѣзвости.. Они и стараются, кто во что гораздъ, но всё одинаково ловко выдрессированы хозяиномъ и всё всегда травятъ когонибудь—финновъ, марксистовъ, чувашъ, народниковъ, русскую литературу, крымскихъ татаръ, евреевъ, поляковъ... глядя потому, что больше Ванькѣ—публикѣ нравится..

Какъ и ^{***} *Новое Время*, *Наблюдатель*—органъ человѣко-ненавистнической. Онъ избралъ для своихъ представленийъ предъ публикой— травлю евреевъ. *Наблюдатель*—скученъ, жалокъ и безталанно—плоскъ. Вотъ образецъ его „литературы“: въ февральской книжкѣ за г. г. начать печатаніемъ романъ Крыжановской-Рочестеръ. Эта барыня по-существу своему нѣчто въ родѣ печальной памяти оккультистки Блавацкой,—она тоже спиритка, оккультистка и любительница всего таинственнаго. Про нее говорили, что романы ей диктуютъ духи... малограмотные. Есть у нея большой романъ: „Торжище брака“, въ которомъ бездѣйствуютъ, но много говорятъ медумы, духи, черти и тому подобная дребедень. Я читалъ этотъ романъ, хотя содержанія его и не помню—но это простительно мнѣ уже по одному тому, что въ немъ нѣтъ содержанія, а лишь одни потуги и поползновенія къ сатиры и мистицизму. Романы безъ содержанія—очень модная вещь, и Ванька ихъ любитъ, ибо они чрезвычайно легко читаются, но попытка объединить сатиру съ мистицизмомъ, достаточно опредѣленно рисуетъ умственный обликъ г-жи Крыжановской. Теперь г-жа Крыжановская печатаетъ въ *Наблюдатель* тоже романъ въ двухъ частяхъ, подъ заглавіемъ „Желѣзный канцлеръ древняго Египта“. Какъ вы думаете, кто этотъ желѣзный канцлеръ? Это Иосифъ, тотъ самый Иосифъ сынъ Иакова, трогательный разсказъ о которомъ помѣщенъ въ Библии, и котораго народъ за чистоту и

кротость назвалъ Прекраснымъ. По Крыжановской этотъ Иосифъ оказывается бездушнымъ и черствымъ юношей, цѣлью жизни котораго служить стремленіе къ власти, „истымъ прототипомъ своего племени, въ теченіе вѣковъ высасывавшаго изъ груди всѣхъ народовъ ихъ плодоносную силу—богатство—до истощенія питавшей матери-кормилицы“. Онъ, этотъ Иосифъ Прекрасный, будучи рабомъ Пентефрія—по словамъ г-жи Крыжановской, смотрѣлъ на жену его, „какъ на средство, въ случаѣ смерти Пентефрія, завладѣть его богатствомъ“, для чего „пустилъ въ ходъ ту таинственную силу, которую современная наука окрестила именемъ гипнотизма“. Внушивъ женѣ Пентефрія страсть къ нему, Иосифъ, по причинѣ г-жѣ Крыжановской очевидно неизвѣстной, отталкиваетъ отъ себя увлеченную женщину, за что и получаетъ отъ нея пощечину. Нужно отдать справедливость авторшѣ, она ни на шагъ не отступаетъ отъ текста легенды, хотя вышиваетъ на немъ разнообразныя и чрезвычайно фантастическія узоры и зоветъ Иакова-Якобъ, Иосифа—Иозэфъ, Рувима—Реубэнномъ и Пентефрія—Потифаромъ, что, оказывается, нужно „по сефардѣйскому чтенію древне-еврейскаго языка“. Ссылка на этотъ языкъ, а въ примѣчаніяхъ имена такихъ египтологовъ, какъ Брунгъ, Шаба и... Эберсъ, придаютъ роману ученый видъ, но не улучшаютъ его дубоватаго языка, образецъ котораго можно видѣть выше въ фразѣ, характеризующей Иосифа.

Языкъ романа вообще любопытенъ. Вотъ, на примѣръ, какъ говоритъ Иосифъ съ отцомъ и братьями: „вы всё думаете, что міръ нами кончается, что только и свѣта—что въ окошкѣ“.. „Чтобъ я больше не слыхалъ твоего бахвальства!“ кричитъ на сына библейскій патриархъ. „Бахвальство“ и „окошко“ хотя и неизвѣстны Библии, но тѣмъ не менѣе очень оригинально звучатъ въ устахъ ея величественныхъ героевъ, подъ небомъ Палестины. Романъ начинается доносомъ Иосифа отцу на братьевъ и пока доведенъ до

возвышенія Иосифа фараономъ. Все это занимаетъ шесть печатныхъ листовъ. Иосифъ является въ романѣ точной копіей съ мелодраматическаго злодѣя, его сопровождаютъ колдуны, змѣи, а въ числѣ дѣйствующихъ лицъ подвизается сама судьба... олицетворенная авторомъ въ видѣ женщины съ тѣломъ быка и съ ногами льва, Все это производитъ оглушающее впечатлѣніе и прескверно пахнетъ... Ванька будетъ доволенъ г-жей Крыжановской. Ванька ужасы любитъ и тѣмъ болѣе любитъ, чѣмъ они нелѣпые... Ванька вообще любитъ все дикое и грубое, а г. Ефимъ Простосердовъ, усердный Ванькинъ слуга, Ванькину психику прекрасно понимаетъ и въ той-же книжкѣ, гдѣ г-жа Крыжановская передѣлываетъ Библию по вкусу Ваньки,—сей самый Ефимъ сочиняетъ возмутительную клевету на евреевъ.

Только въ обществѣ глубоко индифферентномъ къ вопросамъ морали, возможны явленія, подобныя *Новому Времени* и *Наблюдателю*. Если мы не хотимъ сказать—цыцъ! сочинителямъ изъ этихъ литературныхъ вертеповъ, значить эти люди пріятны намъ и грязь, разводимая ими въ жизни, не возмущаетъ насъ. Они плюютъ на всѣхъ и вся своей желчной слюной,—мы видимъ это и молчимъ: они бѣшено ревутъ ругательства—мы слушаемъ; они клеветаютъ—насъ это не возмущаетъ...

Говорятъ—по Сенькѣ и шапка... Ну, Ванька, скверная-же у тебя шапка! Неужели ты не чувствуешь, что заслуживаешь лучшей? Неужели ты дѣйствительно не чешь и не можешь сорвать съ себя такую гадкую и грязную? Ты-бы подумалъ надъ этимъ, Ванька, вѣдь ты уже не крѣпостной и не лакей, ты достаточно свободенъ для того, чтобъ крикнуть людямъ, отравляющимъ тебя всякой мерзостью: „Не хочу мерзостей!“